

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика.....	6
Предисловие	8

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I	10
Глава II	28
Глава III	38
Глава IV	64
Глава V	79
Глава VI	106
Глава VII	119
Глава VIII	137
Глава IX	154
Глава X	178

КНИГА ВТОРАЯ

Глава XI	198
Глава XII	223
Глава XIII	255
Глава XIV	281
Глава XV	308
Глава XVI	327
Глава XVII	343
Глава XVIII	360
Послесловие (<i>Дмитрий Goblin Пучков</i>).....	382

I

Мне, честное слово, все равно; смерти не миновать: нужно же заплатить Господу дань смерти... пусть будет так, и уж тот, кто умер в этом году, наверно спасется от смерти в будущем.

*У. Шекспир*¹

Быстро темнело. Небо заволокло тучами, собиралась гроза. И все еще продолжался беспорядочный артиллерийский огонь. Как только прибыла смена, они начали спешный отход. Берн, которого мотало все шире, мало-помалу отставал. Чтобы окончательно не потерять из виду остальных, он перестал следить за тем, куда ступает, и свалился в воронку.

К тому времени, как он сумел оттуда выбраться, остатки их отряда уже скрылись из виду, и он неуверенно заковылял дальше в одиночестве, сомневаясь в правильности выбранного направления. Он не спешил, но и шага старался не замедлять. Голова была пустой и легкой, настроение — почти восторженным, его влекло вперед лишь желание хоть как-нибудь закончить все это и уснуть. С трудом удержавшись на ногах, он спустился в разрушенную траншею и после недолгих колебаний свернул влево, мало заботясь о том, к чему это приведет.

Мир, казалось, совсем обезлюдел, хотя он прекрасно знал, что земля вокруг просто кишит народом. Он с трудом дышал, рот и горло, казалось, вот-вот треснут

---

¹ *Шекспир У.* Генрих IV. — Ч. 2, акт 3, сцена 2 / Пер. с англ. В. Морица, М. Кузмина.

от сушняка, а во фляге не осталось ни капли воды. Подойдя к блиндажу, он принялся осторожно спускаться вниз, ногой нащупывая в темноте ступени. Сползшая в сторону брезентовая занавесь на входе проскребла его щеку, и, спустившись еще на несколько ступеней, он неожиданно уткнулся лицом в складки прокисшего одеяла, висевшего в дальнем конце тамбура. Блиндаж был пуст. На некоторое время он застыл в тупом оцепенении, но вскоре дрожащей рукой нашарил пачку сигарет. Вытащив одну и буквально воткнув между губами, чиркнул спичку, в ее огоньке углядел свечной огарок в овальной крышке от сигаретной жестянки и зажег его. Огарок был чуть толще монеты, что и определяло время остановки. Вот докурит сигарету и двинет дальше искать свою роту.

В стене блиндажа грунт был вынут так, что образовалось некое подобие скамейки или сиденья. Вначале он обратил внимание только на остатки рваного одеяла, брошенные там, но потом заметил в складках слабый отблеск, отраженный маленьким металлическим кружочком. Это была крышечка фляги. Неуклюже склонившись вбок, он приподнял ее и по весу определил, что фляга полна. Вытащив пробку, он поднес флягу к губам и успел сделать огромный глоток, прежде чем понял, что пьет прекрасный виски. От крепкого алкоголя на мгновение перехватило дыхание, и, подавившись, он чуть было не выплюнул виски, однако сдержался и уже небольшими аккуратными глотками принялся поглощать содержимое, намереваясь растянуть удовольствие от дегустации.

Послышался шум, кто-то ощупью спускался по ступеням. Он закурил флягу, быстро спрятал ее под одеяло и отодвинулся на безопасное расстояние от соблазна. Появились трое шотландцев. По срывающимся голосам было ясно, что эти ребята измотаны не меньше его, и все же, превозмогая усталость, они бесцветными голосами

сообщили, что видели часть его отряда в окопах ярдах в пятидесяти левее. Парни, конечно, тоже заблудились, но он ничем не мог помочь им. Тогда они затеяли между собой бестолковый спор о том, как им быть в сложившейся ситуации. Из-за чудовищного акцента он едва понимал их доводы, но в самом тоне разговора сквозила нерешительность усталых людей, которые ищут оправдания, чтобы ничего не предпринимать. Это заставило его взглянуть со стороны на собственное поведение, и ему стало совестно. Отшвырнув окурок, он решил, что пора идти. Огонек свечи слабо мерцал на последнем издыхании, обещая в следующий момент погрузить блиндаж в темноту. Он благоразумно удержался от того, чтобы рассказать парням о найденном виски, решив оставить это на волю случая: найдут — так тому и быть! И уже двинулся к ступенькам, когда снаружи послышался голос, приглушенный занавесью из одеяла:

— Эй, кто здесь?

Сомнений в том, кому принадлежит этот голос, быть не могло, и Берн немедленно отозвался. Последовала пауза, затем одеяло качнулось и вошел офицер. Это был мистер Клинтон, которого Берн знал еще по тренировочному лагерю в Трепели.

— Привет, Берн... — начал было он, заметив остальных, осекся и обратился уже к ним негромким и спокойным голосом. Лицо его было зеленоватого воскового оттенка, глаза красными от усталости, руки нервно дрожали, а срывающийся голос выдавал нервное перенапряжение. И все же он терпеливо выслушал их ответ.

— Что же, ребята, я не тороплю вас, — проговорил он наконец, — но ваш батальон выдвигается отсюда раньше нас, и вам бы лучше смотаться вместе с ним. Ваши всего в сотне ярдов дальше по траншее. Вы же не хотите тащиться до лагеря в одиночестве? Это будет не

лучший вариант. Так что двигайте-ка прямо сейчас. Вам бы не мешало поспать часиков по двенадцать, и мой совет — кратчайшая дорога к этому.

Они охотно и без разговоров приняли его совет. Как всякий уставший человек в подобных обстоятельствах, они были рады, что кто-то решал все за них; поблагодарили и попросились, если и не сердечно, то хотя бы как вежливые люди, оценившие его доброту. Берн сделал вид, что двигается следом, но мистер Клинтон остановил его.

— Задержитесь на минуту, Берн, и пойдем вместе, — проговорил он, когда последний из шотландцев стал неуверенно подниматься по крутой лестнице. — Не очень вежливо подниматься следом за горцем, наряженным в килт, когда тот вылезает из блиндажа. Кроме того, я кое-что оставил тут.

Он огляделся, подошел к одеялу и вытащил из-под него флягу. Должно быть, фляга показалась ему несколько легче, чем он ожидал, и он с подозрением встряхнул ее, прежде чем вытащить пробку. Сделал долгий, медленный глоток и остановился.

— Оставил бутылку полной, — сказал он, — но эти чертовы джоки¹, похоже, учуяли виски. Ты же знаешь, Берн, я не хожу в бой пьяным, как делают некоторые. Но, боже мой, на обратном пути мне это нужно. Вот, глотника. У тебя такой вид, будто ты уже хлебнул.

Берн без колебаний взял флягу. Он прекрасно понимал состояние офицера и сам чувствовал себя не лучше. В напряжении атаки время течет по-другому, окружающий мир будто выхватывается из тьмы отдельными вспышками, так что в памяти отпечатываются лишь статичные картины, полные смертельного ужаса, дикой

---

¹ Шотландские войска (сленг.).

ярости и страха. В итоге оглушенное сознание успевает воспринимать только постоянную угрозу и полную зависимость от любой случайности. И если в какой-то момент перестаешь владеть собой, то на обратном пути словно блуждаешь в кошмарном сне среди нелепых и чудовищных видений, порожденных собственным разумом. А когда напряжение, наконец, сброшено, чувствуешь себя полностью опустошенным морально и физически, и тогда происходит срыв и разум уже не способен совладать с собой.

— Мы в следующем блиндаже. Все, кто остался в живых, — продолжал мистер Клинтон. — Я рад, что ты в порядке, Берн. Ты же помнишь предыдущее дельце? Так вот, похоже, на этот раз старина Ганс бросил против нас еще больше народа и не намерен был сдвинуться ни на ярд. А теперь самое время сматываться с этой позиции. Думаю, нас осталось не больше сотни.

Все это он выпалил сбивчивой скороговоркой, так что стало ясно, что виски уже начал играть на его потрепанных нервах. Это вернуло Берна к действительности. Огонек свечи прыгнул и погас. Мистер Клинтон включил фонарик и сунул фляжку в карман своего плаща.

— Пошли, — сказал он, шагнув на ступеньку. — Мы с тобой двое везунков, Берн. Ни царапины! И если счастье от нас не отвернется, так и будем скакать из одной беды в другую, пока не сорвемся. Понимаешь? Пока не сорвемся...

У Берна прямо-таки дыхание перехватило: голос мистера Клинтона был твердым, в словах ни тени недовольства, только раздражение и горечь.

Подойдя к брезентовой занавеске, он выключил фонарик.

— Не говорите ерунды, — ответил в темноте Берн. — Вы никогда не сорветесь.

Офицер и вида не подал, расслышал ли он этот участливый, но не очень уставной упрек. Они молча двигались по изрядно порушенной траншее. В небе вспыхивали разрывы, случайный осветительный снаряд завис поблизости, и в его свете Берн разглядел мертвого человека в серой полевой форме, прикорнувшего в углу на повороте траншеи. Похоже, он был ранен и на последнем издыхании дополз до траншеи только затем, чтобы умереть тут. Берн безучастно глядел на этот осколок общей беды. Серое лицо было пустым и бесчувственным.

Как только они свернули за угол траншеи, их окликнул часовой у входа в блиндаж.

— Доброй ночи, Берн, — быстро проговорил мистер Клинтон.

— Доброй ночи, сэр, — ответил тот, козырнув. Затем он перебрался несколькими словами с часовым.

— Господи, хоть бы они поторопились, — пробормотал часовой, когда Берн уже начал спускаться в блиндаж.

В помещении было полно людей. Когда он вошел, множество плоских, безразличных лиц повернулось в его сторону, чтобы глянуть, кого это еще принесло. Но уже в следующую секунду вспышка интереса сменилась оцепенением и апатией. Сквозь плотный воздух, наполненный табачным дымом и чадом оплывших свечей, он разглядел Шэма, который махал ему рукой, привлекая внимание. Берн протиснулся к нему и устроился рядом. Поинтересовавшись друг у друга все ли в порядке, они не произнесли больше ни слова. Какая-то гнетущая тяжесть давила на всех, люди чувствовали себя будто приговоренными к смерти.

— Как думаешь, дадут нам отдохнуть? — шепнул Шэм.

Похоже, только этот вопрос и занимал всех, кто был в блиндаже. Мрачные и отрешенные лица сидевших

вокруг солдат выражали покорность и полное безразличие к собственной участи, даже лица совсем молодых парней выглядели на удивление постаревшими. И все же, пусть и лишённые всякой надежды, они оставались непобежденными.

Внезапно все изменилось: произошло короткое поспешное движение, щелкнули пряжки, были подхвачены винтовки, и все ринулись наружу. Шэм и Берн были среди первых. Теперь все они сгрудились в траншее. Над головами неслись снаряды, было слышно, как парочка рванула довольно близко. Но из траншеи не было видно ничего, кроме стенок, местами побелевших от известковых подтеков, стальной каски на втянутой в плечи голове соседа, взметнувшихся вверх ветвей срезанных взрывом деревьев да неба, затянутого облаками, сквозь прорехи которых проглядывали неподвластные войне звезды. Все вдруг заспешили, словно их подхлестывала проснувшаяся надежда, что и на этот раз им удалось вырваться невредимыми. Стенки хода сообщения постепенно понижались по мере того, как дно поднималось к поверхности земли. У выхода из окопа стоял офицер и, пытаясь оценить, сколько уцелело людей, выстраивал их в шеренгу по двое. Было темновато, и все же под срезами касок ясно виднелись беспрестанно бегающие, живые глаза на бледных лицах. Офицер тоже был бледен от усталости, но стоял он твердо и прямо, зажав под мышкой трость. Под его взглядом бестолковое движение фигур начинало приобретать хоть какое-то подобие порядка. Он командовал тихим, срывающимся голосом, и хотя слова команды были едва слышны, в них проскользнули жесткие, требовательные нотки. Колонной по четыре они двинулись за гребень холма по направлению к месту, которое называлось Счастливой Долиной.